

Vlček, Radomír

Актуальные задачи чешской исторической русистики и Исследовательский центр истории Восточной Европы

Новая русистика. 2016, vol. 9, iss. 2, pp. 147-164

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136066>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Актуальные задачи чешской исторической русистики и Исследовательский центр истории Восточной Европы

Current Tasks of Czech Historical Russian Studies and the Research Centre for the History of Eastern Europe

Радомир Влчек

(Брно, Чешская Республика)

Abstract:

Historical Russian studies are an indispensable scholarly discipline focused on the history of the Russian territory. In the Czech environment, it has an interesting tradition tracing back to the roots of professional historiography and Slavonic studies of the 19th century. However, it has long focused on the political side of the issue, and spiritual, economic and social aspects as well as other usual historic topics such as past of the everyday life, microhistory or the woman question have not been studied. The newly established Research Centre for the History of Eastern Europe therefore aims to remedy this shortcoming and to promote in particular historical Russian studies which will explain the Russian history in a broader context. Its objective is interdisciplinary research and use of modern methodological stimuli for the study of issues of microhistory and everyday life.

Key words:

History of Science; Eastern Europe; Russian studies; Historical studies

Цель статьи — рассмотреть историю и традиции чешских историко-русистских исследований, а также выявить в данном контексте актуальные задачи научной части этой историко-славистской дисциплины. Отдельную часть составляет перечисление методов, с помощью которых эти задачи решает недавно учреждённый Исследовательский центр истории Восточной Европы. Упомянутые и цитируемые в тексте работы, демонстрирующие историю и традиции чешских историко-русистских исследований, являются только примером тех тем, над которыми велась работа в конкретный период времени. Это не попытка предоставить комплексную историографическую картину. Более обширную информацию о деятельности чешских (чехословацких) исторических русистов можно найти, к примеру, в работе «Русская и советская история в чешской послевоенной историографии» («*Ruské a sovětské dějiny v české poválečné historiografii*») и в других сборниках, коллективных монографиях и индивидуальных выступлениях на конференциях [VEBER 1996; PÁNEK 2001; PIVOVAR, LEVČENKO, AFIANI, MATVEJEVA 2015; VLČEK 2015a; VLČKOVÁ KRYČEROVÁ 2015]. Их, однако, немного. Чешские исторические русисты никогда не уделяли большого внимания рассуждениям о своей дисциплине. В этом также заключается одна из актуальных для них задач: критическое рассуждение о собственных исследованиях, разбор тем и методологии и критическое создание истории этой дисциплины.

Изучение российской истории и истории чешского отношения к русской среде, определяемое как «историческая русистика», имеет в чешской среде богатые традиции. Они восходят к поколению Чешского национального возрождения, в первую очередь, к поколению Юнгмана, для которого Россия и русофильство стали опорами формирующейся современной чешской национальной идентичности. Историческая русистика как научная дисциплина была тесно связана с более обширной исторической славистикой, целями которой было объяснить исторические взаимосвязи между славянскими народами, славянских идей и идеологий, а также прошлого славянских народов.

Формирование чешской исторической научной русистики происходило в то же время, что и создание современной чешской историографии и современной чешской славистики. Ключевой импульс был получен современной чешской историографией заслугами историка Ярослава Голла (1846–1929) [MAREK 1991, 7–12]. Однако только его ученик Ярослав Бидло (1868–1937) систематически и с использованием современных критических исторических методов занялся русской историей [BIDLO 1912]. Монография Бидло о русской истории XIX века, хоть и была краткой брошюрой, синтезированной из исследований русских историков XIX века, однако стала переломной работой

в чешском описании российского прошлого [BIDLO 1908]. Аналитические статьи о частных проблемах российской истории из-под пера чешских историков хоть и появлялись раньше, напр. статьи Йозефа Калоусека (1838–1915) о русской общине [KALOUSEK 1880], написанные, однако, не из-за детального осознания российского прошлого, а «только» для документирования аналогий и взаимосвязей между российским и чешским прошлым. В случае Калоусека речь шла об объяснении сути и генезиса крестьянской жизни в чешской истории [KALOUSEK 1871].

В 1889 году попытку первого чешского целостного синтетического взгляда на российскую историю совершил археолог, музейный работник и педагог Франтишек Ладислав Пич (1847–1911). Пиком его работы была компиляция иных, в первую очередь, литературных источников, проведённая до конца XVIII века, под названием «История народа русского» («*Dějiny národa ruského*») [PÍČ 1889]. Этот информационный справочник превзошли исследования по российской истории слависта и славянофила Йозефа Перволфа (1841–1911). К их плюсам относится, кроме всего прочего, парадигматическое разграничение терминов русский — Россия — российский в чешской среде [DVOŘÁK 1972, 149–156].

Нельзя забывать и о работах Томаша Г. Масарика (1850–1937) начала XX века «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России» («*Rusko a Evropa. Studie o duchovních prouděch v Rusku*»), значение которого с точки зрения чешской исторической русистики заключается прежде всего в картине российской истории XIX века [MASARYK 1995; MASARYK 1996]. Это не был принципиальный исторический анализ, однако Масарик в эссе сумел объяснить, используя междисциплинарный подход, суть восточноевропейского культурно-цивилизационного профиля как своеобразного феномена, тем не менее относящегося к общим взаимосвязям [MASARYK 1995, 9–11]. Ещё более важно было то, что он этой работой создал традицию чешских реалистично-критических русистских исследований, прослеживающих не только политические взаимосвязи. Изучение чехословацкой историографии межвоенного периода, однако, приведёт нас к выводу, что ни чешская, ни словацкая историография не сумели эту идею и пример принять и использовать. Работа Масарика стала символом, который, впрочем, не был в достаточной степени развит или должным образом дополнен. Прежде всего, это касалось более широкого тематического масштаба по сравнению с тем, что охватывает политическая историография. Несмотря на то, что в чешской межвоенной среде появились некоторые переводы русской историографии, тематически выходящие за рамки политической историографии, чешская русистская историография осталась в целом ограниченной на политические аспекты. Из импульса Масарика,

нацеленного на междисциплинарные исследования, чешская историческая русистика не смогла извлечь ничего более значительного.

Однако, то, что было полезным в чешских историко-русистских исследованиях межвоенного времени, — это более широкий взгляд на русистику в плане изучения не только российской, но и всей восточноевропейской истории. Выдающийся историк межвоенной эпохи Йозеф Мацурека (1901–1992), профессор славянской истории на Философском факультете брненского Масарикова университета с 1935 г., в связи с этим категорически отказывался говорить только о русском, хоть и в какой-то степени препарированном пространстве, ссылаясь при этом на длительное взаимовлияние восточнославянских обществ. Россия в узком смысле слова была бы без них непонятной, а в широком смысле слова непостижимой [VLČEK 2015b, 3–5].

«История восточных славян» («*Dějiny východních Slovanů*») Мацурека была в своё время новаторской работой в том числе и с международной точки зрения. Она не только отражала растущий спрос на относительно профессиональную информацию об истории страны, в которой проводился социалистический эксперимент, она также приносила принципиальную новинку: включение Восточной Европы в общее европейское пространство. Этим она как бы заканчивала один этап дискуссии, ведшейся не только в первой половине XX века, но и ранее, в XIX веке, о том, относится ли вообще Россия к Европе. Нельзя не упомянуть, что на эти, зачастую эмоциональные, полемики, оказала огромное влияние российская историография XIX века, которая, несмотря на свою в значительной степени профессиональную эрудированность, тонула в опасениях, что Россия — отстающая страна, не способная конкурировать с европейскими державами, то есть, таким образом, Россия не относится к Европе (хотя в различных своих работах она и утверждала обратное).

Добавим, что на работе Мацурека эти дискуссии не окончились. Наоборот, вторая половина XX века своей политической биполярностью их ещё более усилила. Качественными, однако, были исключительно те, которые проходили вне т. н. восточнославянского пространства. Дело в том, что доминирующая в нём политическая идеология априорно отрицала критическую оценку Советского Союза и превыше всего ставила миссионерскую задачу марксистско-ленинского толка [TJUTČEV 2007; GILFERDING 2009; DANILEVSKIJ 2009; DANILEVSKIJ 2013].

Работы Йозефа Мацурека и его школы относилась к Брно: к Масарикову университету и брненским историческим отделениям Академии наук (ЧСАН, ČSAV) [VLČEK 2015b, 16]. Однако, в большей степени, чем русистская тематика, в ней развивались полонистика и балканистика, а также изучались исторические связи отношений между славянскими странами.

Другая специфическая линия историко-русистских исследований создал в чешской среде в 20-ых годах XX века пражский историк Ян Славик (1885–1978). Его картина современной российской и советской истории строилась на доступных в максимально возможной степени источниках. Это было исключительным явлением не только в чешской, но и в международной историографической среде. Если бы эта тематическая и методологическая линия Славика в чешской исторической русистике развилась, это бы было очень ценно. Однако её судьба была прискорбной. Ориентация на новейшую российскую (советскую) историю и образ работы Славика доставили ему ряд проблем. Остальными его представления политизировались, для одних он стал слишком левым, для других — чрезвычайно правым. Политические взаимосвязи играли при оценке его работы роль уже в межвоенное время, которая удвоилась в эпоху доминирования марксистско-ленинской методологии. Это выразительно показывало, насколько политически щекотливыми являются русистские темы. Как для межвоенной, так и для послевоенной Чехословакии. Славик никогда не входил в члены академических учреждений, таким образом, он не воспитал прямых учеников [SLAVÍK 1924; SLAVÍK 1927a; SLAVÍK 1927b; SLAVÍK 1930; SLAVÍK 1932; SLAVÍK 1934; SLAVÍK 1935].

Отдельный пласт чешской исторической русистики и европейских исторических исследований создала в межвоенной Чехословакии эмиграция русских либеральных историков. Среди эмигрирующих интеллектуалов были и те, кто в дальнейшем или напрямую включились в научный и преподавательский модуль, или к нему готовились. Чешская среда позволяла, хоть и в ограниченной степени, публикацию интересных результатов их исследований. Напр. в рамках издания «*Культурные достояния российского народа*» («*Kulturní statky Ruského národa*»), изданную Комитетом дня русской культуры. Далее, в издательстве «Ян Отто» (Jan Otto) было издано несколько переводов аналитических работ русских эмигрантов. Напр. Евгения Францевича Шмурло (1854–1934) «*Россия в Азии и Европе*» [ŠMURLO 1926] или от того же автора «*Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654*» [ŠMURLO 1928]. Далеко не одна из этих работ была ценным и в первую очередь тематическим вдохновением для местных чешских исследований об истории России.

С точки зрения позднее доминирующей марксистской историографии, которая главным образом в пятидесятых годах XX века догматически перенимала предоставляемые советской историографией темы, не остаётся без интереса тот факт, что в двадцатых годах XX века в чешском переводе появились и некоторые работы авторов-современников. Напр. в 1924 году «Коммунистическим торговцем книг и издательством» был издан перевод изначально русской подборки из статей Ленина о т. н. Великой Октябрьской

революции «*Революция 1917 года*» [LENIN 1924b]. Книга Ленина вышла как второй том особой серии «Библиотека Ленина». В первом содержался перевод работы Григория Евсеевича Зиновьева (1883–1936) «*Империализм и мировые национальные экономики*». Он вышел уже в 1921 году [ZINOVJEV 1921]. Далее, вышли другие переводы брошюр Ленина [LENIN 1924a, LENIN 1925, LENIN 1928a, LENIN 1928b], а также одна небольшая книга Сталина [STALIN 1927].

«Коммунистический торговец книг и издательство», конечно, упомянутые работы издавало не потому, что их авторы были из России или Советского Союза по происхождению, то есть не для представления русистской проблематики, а для поддержки коммунистической идеологии в Чехословакии. Кроме всего прочего, оно ориентировалось на издание пропагандистских материалов Коммунистической партии Чехословакии и её выдающихся членов [*Komunistická...* 1924; DOKOUPIL 1922]. Об издательстве также многое говорит и то, что оно издало некоторые работы коммунистической писательницы Марии Майеровой [MAJEROVÁ 1925]. Для профессиональной чешской исторической русистики приведённые работы не имели практически никакого значения. В том числе и из-за этого она ими практически не интересовалась. Более существенным было то, что важную линию чешской исторической русистики, развивающейся не только в межвоенную, но и послевоенную эпоху в Праге, составляла школа, у основания которой был русский эмигрантский историк Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) [KIZEWETTER 1905]. Одним из её представителей стал, благодаря Антонию Васильевичу Флоровскому (1884–1968) [FLOROVSKIJ 1954] и Мирославу Сутты (* 1920) [SUTTY 1965], Милан Шванкмайер (1928–2003), автор двух монографий о передовых личностях России XVIII века: царе-императоре Петре I [ŠVANKMAJER 1999] и царевне-императрице Екатерине Второй, которые были подготовлены к печати в конце шестидесятых годов XX века [ŠVANKMAJER 1970; ŠVANKMAJER 1993; ŠVANKMAJER 2001].

Милан Шванкмайер не был единственной значительной личностью в чешской исторической русистике послевоенной эпохи. Однако он был одним из самых значительных с точки зрения традиции, которая перенимала старшие образцы, модифицировала их в форму критической оценки и развивала в качестве наследия для дальнейшего тематически более широкой, хотя всё ещё сосредоточенной на политических событиях, трактовки. Милан Шванкмайер также стоял во главе авторского коллектива, попытавшегося разработать в середине шестидесятых лет XX века новую чешскую синтезирующую российскую историю [ŠVANKMAJER, HERMAN, HOSTIČKA, ZÁSTĚROVÁ 1967]. В том числе и эта работа была причиной притеснения Шванкмайера и гонений на его коллег, мешавших им во время эпохи т. н. нормализации публиковать другие русистски ориентированные работы. Единственной книгой, изданную

Миланом Шванкмайером с 1970 по 1989 гг., была публикация о Петре Воке, вышедшая, однако под псевдонимом Анежка Свободова [SVOBODOVÁ 1985]. На этой чисто богемистской работе можно показать некоторые недостатки и из них проистекающие актуальные задачи чешской исторической русистики. Речь не только о традиционном сосредоточении на политической истории, но и на методе и ограниченном выборе источников. До определённой степени этот подход Шванкмайера можно извинить изучаемыми им русистскими темами. Российские архивы не были открытыми, их доступность лимитировалась не слишком частой возможностью чешских исследователей побывать в них. До сих пор доступ к архивным документам для иностранцев является избирательным. Таким образом, комплексный аналитический источниковый подход в значительной степени лимитирован. Нельзя, однако, извинить отсутствие интереса духовной и философской плоскостями, являющимися крайне важными для русистских тем.

Конечно, для дальнейшей судьбы чешских историко-русистских исследований было так или иначе ценно, что Милан Шванкмайер так же, как и другие чешские исторические русисты того времени, к примеру, Вацлав Вебер, занимался русистскими темами и в то время, когда не мог публиковать. Это позволило ему после 1989 г. встать во главе коллектива, готовящего новую «Историю России» («*Dějiny Ruska*»). Первое её издание, в чём-то всё же несущее отпечаток «Истории России» («*Dějiny Ruska*») 1967 г., вышло в 1995 году [ŠVANKMAJER, VEBER, SLÁDEK, MOULIS 1995]¹. Несмотря на то, что в настоящее время у чешской историографии уже есть очень ценное пособие «История России в датах» («*Dějiny Ruska v datech*») и «Рождение державы. История Советского Союза 1917–1945 гг.» («*Zrod velmoci. Dějiny Sovětského svazu 1917–1945*»), составленные Михалом Райманом при сотрудничестве с Богуславом Литерой, Карелом Свободой и Даниэлой Коленовской, «История России» («*Dějiny Ruska*») авторского коллектива во главе с М. Шванкмайером остаётся и по сей день фундаментальным, хотя и изобилующим многими недостатками с современной точки зрения, пособием [LITERA, PEČENKA 2011].

Для полноты добавим, что чешская марксистская историография пыталась в эпоху нормализации предоставить собственную синтезирующую историю России. Среди прочего, это была одна из главных задач, как в то время было указано в централизованно-плановой программе науки, основного плана исследований общественных наук. Речь об «Истории СССР» («*Dějiny SSSR*») обширного авторского коллектива, который вели Карел Герман (род. в 1921 г.) и Йозеф Кочи (1922–1986). Хотя и в ней можно найти ряд интересных

1 Дальнейшие издания книги вышли в 1996², 1999³, 2004⁴, 2008⁵, 2010⁶ гг.

исторических фактов, как единое целое она страдает от методологической зависимости от официальной советской трактовки того времени, в ряде примеров вплоть до дословных переводов советских авторов [HERMAN 1977].

Оставим в стороне целый ряд аналитических исследований, возникших в эпоху сорокалетнего доминирования марксистской методологии. Отметим лишь, что не ото всех нужно априорно отказываться. Главным образом, в восьмидесятые годы XX века тематическая ориентация некоторых из них открывала новые горизонты. Речь, к примеру, о знакомстве с историей идей и идеологий и историей историографии. Большинство из них, однако, так же, как и вышеприведённая синтетическая работа, сосредотачивалось на политической истории. Излишним бы так было размышление о темах, посвящённых новой и новейшей российской (советской) истории. Несмотря на то, что были и исключения, большинство из них несло отпечаток эпохи и среды.

Более значительное изменение принесла дискуссия «Россия, Советский Союз и мы» («*Rusko, Sovětský svaz a my*»), которую организовал Институт истории Восточной Европы ЧСАН, обновлённый в начале 1990 года после перерыва эпохи нормализации. Упомянутая дискуссия осуществилась в Праге уже 29 марта и 10 апреля 1990 г. Она касалась в первую очередь феномена России в чешской истории. Этим аспектом в дальнейшие три года интенсивно занимался один из научных коллективов упомянутого института. На тот факт, что у этого коллектива, так же, как и у вузовских отделений подобной направленности, в этом плане не сразу всё получилось, обратила внимание дискуссия «Преемственность русской истории» («*Kontinuita ruských dějin*»), развернувшаяся с начала 1999 года на страницах центрального журнала чешских историков, специализирующихся по восточноевропейской истории, «Славянское обозрение» («*Slovanský přehled*») [FRANĚK, GONĚC, MOULIS, SLÁDEK, VEBER, VLČEK 1999]. Институт истории Восточной Европы ЧСАН так же, как и ряд других отделений, специализировавшихся по истории Восточной Европы, уже не существовал. Мнимая переполненность чешской историографии русистскими темами в предыдущие годы и её идеологическая безвольность вылилась в административное решение, которое почти привело к ликвидации исторической русистики как специальности. Упомянутая дискуссия, однако, показала, что в чешской среде в конце девяностых годов XX века существуют попытки развивать её далее. Отнюдь не в плане идеологизированной направленности, но действительно ценных, тематических и методологических подходов, попавших под влияние современной мировой историографии. Это также было одной из причин, почему на заявление пражской группы историков-русистов (членами которой, однако, были не только пражские

историки), опубликованное в «Славянском обозрении», позитивно отреагировал ряд чешских и иностранных специалистов [FRANĚK, LOEWENSTEIN, GONĚC, LEWANDOWSKI 2000; MOULIS, ŠTINDL 2000; REIMAN 2000; ŠUMAN 2000]. Так, появлялись импульсы для дальнейшего тематического и методологического расширения чешских историко-русистских исследований и их авторефлексии в рамках современной европейской русистики и историографии в целом.

Ценным также было и то, что благодаря упомянутой дискуссии, чешская историческая русистика присоединилась к размышлениям о месте России в Европе и о взаимном влиянии России на центральноевропейское и восточноевропейское пространство. В этот контекст, например, вписалась одна из дальнейших дискуссий, в этот раз исключительно брненских историков, вдохновлённую Центром изучения демократии и культуры и опубликованного им исследования британского историка Дэна Дайнера «Двоязыкий Восток. Европа между Западом, Византией и исламом» («Dvojí Východ. Evropa mezi Západem, Byzancí a islámem») [DINER 2005]. Продолжением этого стали дискуссии, с которыми были связаны в дальнейшем обсуждаемые вопросы междисциплинарного характера следующего типа: каковы причины гениальности русской литературы XIX века или в чём заключается источник вдохновения русской теологической школы первой половины XX века. Новой целью было посмотреть на отношения России и Европы совсем не политическим, а в первую очередь широким культурно-цивилизационным взглядом [ŽÁK 2002; ČEMUS 2002]. Во влиянии на дальнейшие ареальные и междисциплинарные исследования, которые начали развиваться с начала XXI века, нельзя сомневаться. В связи с этим стоит особо отметить внимание, которое систематически и длительно уделяет Кафедра славистики Философского факультета Масарикова университета в Брно культурно-историческим взаимосвязям русского (а в чём-то и более широкого славистического) развития (ср. журнал «Новая русистика»).

Целью этой статьи не является перечисление положительных моментов, появившихся в последние годы, а наоборот — указание на то, чего в чешской исторической русистике до сих пор недостаёт, и какие актуальные задачи перед ней стоят. Потому мы должны констатировать, что несмотря на все вышеуказанные полемики, в чешских восточноевропейских исследованиях всё ещё не хватает более выразительных дискуссий о смысле, значении и месте чешской исторической русистики, её тематической, но и методологической направленности и в первую очередь о дальнейшем развитии. Напр. хотя съезды историков в Праге (1994), Градце-Кралове (1999), Пардубице (2006) и Остраве (2001) им выразили в секциях и на пленуме поддержку, чешские историки Восточной Европы, однако, не решились на более широко составленные конфронтации о смысле, значении и месте чешской русистики. Ими, однако, было отмечено

(и упомянутая дискуссия о преемственности российской истории является доказательством этого), что во второй половине девяностых годов в США, Австрии и Германии завязались дискуссии о смысле восточноевропейских исследований. В отличие, к примеру, от своих польских коллег они не извлекли из них урок [CREUZBERGER, MANNTEUFEL, STEININGER, UNSER 2000]. По сей день они не отзываются на то, что, к примеру, дискуссии немецких историков о смысле и значении восточноевропейских исследований не являются лишь раздумьями над вопросом, имеет ли изучение восточноевропейской истории смысл после падения европейской политической биполярности, так как речь идёт о способе, как по-новому взяться за восточноевропейские исследования, сделать их привлекательными, и как их приблизить новейшим тематическим и методологическим трендам общей истории. В этом направлении в чешской исторической русистике, например, практически нет изучения повседневной жизни, а ранее существовавшее акцентирование политического и идейного планов лишь в малой степени преодолевает ужившиеся стереотипы. Одним из немногих исключений стала публикация Петра Прошека «Русская кухня в череде эпох» («*Ruská kuchyně v proměnách doby*»), в которой он изучает исторические корни русской кухни в контексте географического положения, климатических условий и факта, что подавляющее большинство жителей Российской Империи жило в деревне [PEŠEK 2007]. Именно на этой работе мы могли бы обширно продемонстрировать позитивные моменты междисциплинарного исследования, являющегося одной из больших проблем историко-русистской науки.

На взгляд обычного читателя отсутствие работ этого типа не должно казаться прискорбным фактом. Профессиональное чешское историко-русистское творчество в рамках творчества, предназначенного широкой общественности, как минимум частично насыщено историческими изысканиями, произведёнными в контексте привлекательных географических, идейных и политических реалий. Так, что касается последних лет, то можно обратить внимание на работы чешских путешественников Иво Сobotки [SOBOTKA 2007], Мартина Ришави [RYŠAVÝ 2008] и Леоша Шиманека. Популярны также исторические детективы, сюжет которых разворачивается в исторической России. Однако, по сравнению с упомянутыми путевыми записками исторический детектив чешского происхождения с местом действия в России является исключением. Многие из них представляют собой обычные переводы российского (напр. работы Бориса Акунина) или западноевропейского производства (напр. работы Оуэна Мэтьюза).

В очередной раз повторим, что актуальная ключевая проблема чешской исторической русистики — её постоянно удерживающееся сосредоточение на политической истории. Это действительно и для XX века, в рамках которого

особенно часто выбираются исключительно те темы, которые привлекательны с точки зрения эпохи. Речь, напр., о вопросе ГУЛАГа или Большого террора. К популярным темам можно отнести и направленность книг Вацлава Вебера о Ленине, Сталине, Хрущёве и их времени [VEBER 2000; VEBER 2001; VEBER 2014; VEBER 2016], в той же степени далее анализы советской России, вышедшие из-под пера Богуслава Литеры [LITERA 2009; LITERA 2013; LITERA 2015]. Мы не хотим отрицать качественность таких работ. Однако мы обращаем внимание на отсутствие более широких взаимосвязей и междисциплинарных подходов. Это действительно и для книг, переведённых с западных языков или с русского [ZUBOV 2014–2015].

Несколько более широкую направленность, а не исключительно политическую, можно заметить в чешских историко-русистских работах, ориентированных на древнюю русскую историю. Мы говорим о работах Павла Бочека, касающихся отношений царской власти и духовной прослойки в XIV–XVI веках [BOŠEK 1995], Даны Пицковой о взаимоотношениях русских земель с их соседями или Йитки Комендовой о старейшем русском духовном и культурном пространстве [KOMENDOVÁ 2011]. Ценными являются также некоторые редакторские начинания [TÉRA 2014; KOMENDOVÁ 2010]. Появились и первые ласточки, касающиеся редакции новейшей истории [TECTANDER 2014; CUSTINE 2015].

Несмотря на множество ценных и конструктивных работ о российской истории XX века, необходимо, однако, констатировать, что чешская историческая русистика придерживается традиционной российской историографии, созданной на основании линии российской историографии XVIII и XIX веков, то есть прежде всего линии Василия Никитича Татищева (1686–1750), Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) и Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879). К более целостной историографической оценке она, несмотря на интересные попытки Йозефа Шаура, пока не пробилась [ŠAUR 2015].

Такое же понимание проявляется в отдельных разборах формирования современного российского национального сознания и нации/наций как таковой. Далее, отсутствует анализ духовного плана. В этом направлении ценными ласточками являются книга Мартина Цирила Путны *«Картины из российской истории русской религиозности»* (*«Obrazy z ruských dějin ruské religiozity»*) и Гануша Никла *«Религия в русской культуре»* (*«Náboženství v ruské kultuře»*). Мало внимания, однако, всё ещё уделяется формированию национального сознания в контексте развития современного российского государства. Существуют, например, работы типа *«Славянофильство и славянофильская парадигма»* (*«Slavjanofilství a slavjanofilské paradigma»*) упомянутого Гануша Никла, но отнюдь не работы на тему, почему, к примеру, славянофильство сформировалось

в русской среде, как на него смотрели государство, церковь и т. д. Абсолютно отсутствуют социальная история, современный синтез, параллельная история: историю Восточной Европы не вписывают в контекст всеобщей истории. В единичных случаях рассматривается традиционная тема взаимоотношений России и Европы, но вовсе не рассматриваются отношения России с азиатскими странами, формирование российского государства в плане духовном и идейном, тематические исследования об отдельных «регионах», напр. привлекательном для Южноморавского края с торговой точки зрения Татарстане. В области экономической истории можно, кроме частных работ, положительно отметить обстоятельную работу коллектива авторов о чешско-русских торговых отношениях [BARANOVA 2015].

Методологические проблемы связаны с компарацией отдельных целых/регионов внутри Восточной Европы и анализом в виде тематических исследований. Тематических и методологических проблем чешской исторической русистики, несомненно, несравненно больше. Как тематического, так и методологического характера. Из вышеприведённого, однако, ясно, что некоторые специалисты их осознают и пытаются их решить. Напр. так, что с 1 сентября 2015 года при Историческом институте Академии наук ЧР работает Исследовательский центр истории Восточной Европы. Это специализированный исследовательский центр, членами которого, а также членами научной комиссии которого, являются специалисты из Чешской Республики, Словакии, Польши и России. К задачам отделения относится не только историческая работа. Исследовательский центр является в широком смысле слова междисциплинарным. Его деятельность касается обеспечения сотрудничества между исследователями и исследовательскими учреждениями, занимающимися темами, связанными с культурной, социальной, экономической, духовной и политической историей Восточной Европы с широким компаративным подходом, захватывающим литературу, язык и искусство, а также темами, связанными с историей этой дисциплины. Он специализируется на поддержке и развитии сотрудничества между различными учреждениями и дисциплинами, причём упор делается на компаративное и мультидисциплинарное исследование Восточной Европы. Восточная Европа при этом понимается как геополитическое и культурное пространство России, Украины, Беларуси, Прибалтики и стран бывшего Советского Союза с преобладанием славянского влияния и возможным перекрещиванием с соседними областями и культурами, связанными взаимоотношениями с этой территорией. Речь идёт о попытке открытия более комплексного взгляда на восточноевропейское пространство, сгенерированного в профессиональных мнениях, дискуссиях и новых пониманиях, что должно оказать помощь при его современном обстоятельном познании. История восточноевропейского

пространства при этом понимается в широком взгляде на решение дискурсов и вопросов, а также в культурно-исторической и политической изменчивости.

Исследовательский центр истории Восточной Европы исходит из реальности, намеченной в предыдущем тексте, а именно той, что изучение истории Восточной Европы имеет богатую исследовательскую традицию в чешской среде. Нынешнее состояние чешского познания Восточной Европы, понимаемой в широких геополитических и культурно-цивилизационных взаимосвязях по всему миру, и потребность, чтобы и чешское изучение, ориентированное таким образом, выражалось по поводу актуальных проблем в исторической ретроспективе, показывают, что чешские исследования истории Восточной Европы необходимо расширить до междисциплинарного компаративного уровня, и заниматься более широким кругом культурологических и политологических проблем. С этим непосредственно связана история мыслей, идей и история менталитетов в широких взаимосвязях, при этом в той же мере, что и по сей день не составленная история дисциплины «русистика», включая изменения в её методологической направленности.

Поэтому Исследовательский центр истории Восточной Европы в первую очередь ориентируется на исследование истории российской и советской империй с их исторической изменчивостью и культурологическими взаимосвязями. Он изучает его общественные, государственные, духовные и идейные аспекты, но не оставляет в стороне последствия их влияния на чешскую, словацкую и другие контексты. Важной частью работы является компаративный подход. Одновременно с элементарным изучением изменений восточно-европейского пространства как целого, он пытается изучать проявления повседневности в рамках феномена изменений на осе Святая/Московская Русь — имперское/петровское государство — советское целое. Конечно, он также пытается уделять внимание изменениям чешского взгляда на Россию и восточнославянское пространство как целое, в первую очередь истории чешской и словацкой русистики, её исторической обусловленности, объективности и неверному толкованию.

Истории Восточной Европы не избежать междисциплинарного взгляда и сравнительного подхода при сопоставлении тем, методов, целей и результатов исследований с родственными дисциплинами из области общественных наук. В связи с этим в собственных исследованиях Центра речь идёт о соединении взглядов историка, политолога, лингвиста, искусствоведа и культуролога на актуальные проблемы, объяснимые исторической рефлексией. Всё перечисленное продолжает традицию вышеприведённого чешского и словацкого изучения истории Восточной Европы. В то же время, однако, важно и установление более широкого международного сотрудничества, и наблюдение за

проблемами в более широком, чем только центральноевропейском и восточно-европейском аспекте.

С учётом поставленных задач Центр организовал в начале ноября 2015 г. в Брно на Философском факультете Масарикова университета международную научную конференцию «Вера в церковь, вера в государство. Трансформации российского государства, русской православной церкви, государственной идеологии и веры» («*Víra v církev, víra ve stát. Proměny ruského státu, ruské pravoslavné církve státní ideologie a víry*»). Она касалась в первую очередь анализа генезиса, развития и изменений формирования российского государства с прикреплением, взаимопроникновением и детерминацией православной церковью и православной верой. Цель (идентифицировать отличия этого процесса от остального мира и оценить, насколько в современной России идеология подчинялась имперской идеологии) была, несомненно, достигнута. Интересующиеся смогут прочитать избранные статьи участников конференции на страницах готовящегося к публикации номера «*Studia Historica Brunensia*», издаваемого Масариковым университетом.

Другим осенним мероприятием Центра была международная конференция в Братиславе, подготовленная при сотрудничестве с Философским факультетом Университета им. Коменского. На этой конференции под названием «*N. O. Losskij i участие русской интеллигенции в эмиграции в развитии науки*» («*N. O. Losskij a podíl ruské inteligence v emigraci na rozvoji vědy*») был представлен ряд интересных выступлений на тему деятельности русской эмиграции, прежде всего, её интеллектуальной и, главным образом, философски и исторически ориентированной элиты. Статьи, появившиеся на основе избранных выступлений с этой конференции, были опубликованы на страницах научного исторического издания Университета им. Коменского.

В 2016 год Центр подготовил ещё две конференции. Первая, состоявшаяся в сентябре, специализировалась на подробном прослеживании традиции чешских и чехословацких историко-русистских исследований: «Традиция чешских/чехословацких исследований истории и культуры Восточной Европы» («*Tradice českých/československých bádání o dějinách a kultuře východní Evropy*»). Вторая конференция в ноябре специализировалась на формировании анархистской идеи в восточноевропейском пространстве с широким контекстом всеевропейских событий: «Искушение анархией: понятия, исторические примеры, образы: восточное вдохновение»² («*Pokušení anarchie pojmy, historické příklady, obrazy: východní inspirace*»).

2 [Historický... republiky 2016].

Кроме вышеприведённой деятельности Центр подготавливает лекции своих членов и других значительных лиц, занимающихся интересующими Центр русистскими темами. Эти лекции будут проходить в первую очередь в рамках докторских чтений в нескольких чешских и словацких вузах. Центр также подготавливает начало работы над коллективными монографиями, посвящёнными, прежде всего, культурной восточноевропейской истории.³

Библиография:

- BARANOVA, A. a kol. (2014): *Česko-ruské obchodně ekonomické vztahy*. Praha.
- BIDLO, J. (1908): *Dějiny Ruska v devatenáctém století*. Praha.
- BIDLO, J. (1912): *Slovanstvo. Obraz jeho minulosti a přítomnosti*. Praha.
- BOČEK, P. (1995): *Stát a církev v Rusku na přelomu 15. a 16. století*. Brno.
- CREUZBERGER, S., MANNTEUFEL, I., STEININGER A., UNSER, J. (2000): *Wohin steuert die Osteuropaforschung. Eine Diskussion*. Köln.
- CUSTINE, A. de (2015): *Dopisy z Ruska. Rusko v roce 1839*. NORA, P. (ed.). Praha.
- ČEMUS, R. (2002): *Moskva – pravoslaví – Řím*. Teologický sborník. Ekumenický čtvrtletník pro teologii 8, 2002, č. 1, 41–54.
- DANILEVSKIJ, N. Ja. (2009): *Rossija i Jevropa*. Moskva.
- DANILEVSKIJ, N. Ja. (2013): *Političeskaja filosofija. Doplnenija k knize Rossija i Jevropa*. Moskva.
- DINER, D. (2005): *Dvojí východ. Evropa mezi Západem, Byzancí a islámem*. In: HANUŠ, J., VYBÍRAL, J. (eds), *Evropa a její duchovní tvář. Eseje – komentáře – diskuse*. Brno, s. 47–59.
- DOKOUPIL, A. (1922): *Náš Mikuláš: revoluční scéna*. Praha.
- DVOŘÁK, L. (1972): *Josef Perwolf*. Praha.
- FLOROVSKIJ, A. V. (1954): *Česko-ruské obchodní styky v minulosti: X.–XVIII. století*. Praha.
- FRANĚK J., GONĚC, V., MOULIS, V., SLÁDEK, Z., VEBER, V., VLČEK, R. (1999): *Kontinuita ruských dějin. (Teze pražské skupiny historiků-rusistů)*. Slovanský přehled 85, 1999, č. 4, s. 537–540.
- FRANĚK, J., LOEWENSTEIN, B., GONĚC, V., LEWANDOWSKI, J. (2000): [s. t.] *Slovanský přehled 86, 2000, č. 1, s. 129–132*.

3 Podrobná informace ob Исследовательском центре истории Восточной Европы и об обновлении программы деятельности можно найти на [Historický... Evropy 2016].

- GILFERDING, A. F. (2009): *Rossija i slavjanstvo*. Moskva.
- HERMAN, Karel a kol. (1977): *Dějiny SSSR od nejstarších dob do Velké říjnové socialistické revoluce*. Praha.
- Historický ústav akademie věd České republiky*. [online]. [cit. 11. 8. 2016]. <http://www.hiu.cas.cz/cs/>.
- Historický ústav akademie věd České republiky – Organizační struktura – Výzkumné centrum dějin východní Evropy*. [online]. [cit. 11. 8. 2016]. <http://www.hiu.cas.cz/cs/organizacni-struktura/vyzkumne-centrum-dejin-vychodni-evropy.ep/>.
- KALOUSEK, J. (1871): *České státní právo*. Praha.
- KALOUSEK, J. (1880): *O zřízení a původu obce velkoruské*. Praha.
- KIZEVETTER, A. A. (1905): *Ruskoje občestvo v vosemnacatom věke*. Rostov na Donu.
- KIZEVETTER, A. A. (1929): *Na rubeže dvou staletij. Vospominanija 1881–1914*. Praha.
- KOMENDOVÁ, J. (ed.) (2010): *Haličsko-volyňský letopis*. Praha.
- KOMENDOVÁ, J. (2011): *Světec a šaman. Kulturní kontexty ruské středověké legendy*. Praha.
- Komunistická strana Československa na 5. světovém sjezdu Komunistické internacionály*. (1924). Praha.
- LENIN, V. I. (1924a): *Lenin o jednotném postupu pracujících lidu měst i venkova*. Praha.
- LENIN, V. I. (1924b): *Revoluce 1917*. Praha.
- LENIN, V. I. (1925): *Lenin o družstevnictví*. Praha.
- LENIN, V. I. (1928a): *Lenin o Tolstém*. Praha.
- LENIN, V. I. (1928b): *Proletářská revoluce a renegát Kautský*. Praha.
- LITERA, B. (2009): *Historie Rudí armády 1917–1941*. Praha.
- LITERA, B. (2013): „Druhá revoluce“. *Stalinská transformace v Sovětském svazu 1928–1934*. Praha.
- LITERA, B. (2015): *Cesta na výsluní. Zahraniční politika Sovětského svazu 1917–1945*. Praha.
- LITERA, B., PEČENKA, M. (2011): *Dějiny Ruska v datech*. Praha.
- MAJEROVÁ, M. (1925): *Den po revoluci: co jsem viděla v SSSR*. Praha.
- MAREK J. (1991): *Jaroslav Goll*. Praha.
- MASARYK, T. G. (1995): *Rusko a Evropa. Studie o duchovních proudech v Rusku*, 1. Praha.
- MASARYK, T. G. (1996): *Rusko a Evropa. Studie o duchovních proudech v Rusku*, 2. Praha.
- MOULIS, V., ŠTINDL, L. (2000): [s. t.] *Slovanský přehled* 86, 2000, č. 2, s. 268–270.
- PÁNEK, J. (2001): *Czech Historiography in the 1990s*. Prague.
- PEŠEK, P. (2007): *Ruská kuchyně v proměnách doby*. Červený Kostelec.
- PÍČ, J. L. (1889): *Dějiny národa ruského*. Praha.
- PIVOVAR, J. I., LEVČENKO, A. S., AFIANI, V. Ju., MATVEJEVA, A. G. (red.) (2016): *Rossija i Čechija. Naučnyje, kulturnyje i občestvennyje svjazi*. Sankt-Peterburg.
- REIMAN, M. (2000): [s. t.] *Slovanský přehled* 86, 2000, č. 3, s. 375–379.

- RYŠAVÝ, M. (2008): *Cesty na Sibiř*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1924): *Kapitoly o Leninovi*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1927a): *Smysl ruské revoluce*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1927b): *Základy carismu: psychologie A. N. Radiščeva*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1930): *Ruská revoluce březnová ve vzpomínkách účastníků*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1932): *Bolševismus v přerodu: historicko-sociologická studie*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1934): *Lenin*. Praha.
- SLAVÍK, J. (1935): *Leninova vláda (1917–1924)*. Praha.
- SOBOTKA, I. (2007): *Rusko. Osmnáct obrazů z cest po ruské zemi a kláštorech*. Olomouc.
- STALIN, I. V. (1927): *Otázky leninismu*. Praha.
- SUTTÝ, M. (1965): *Přehled dějin SSSR I. (od nejstarších dob do roku 1867)*. Praha.
- SVOBODOVÁ, A. (1985): *Petr Vok z Rožmberka*. Praha.
- ŠAUR, J. (2015): *Boris Nikolajevič Čičerin o ruských dějinách (státní škola jako historiografický a společenský fenomén)*. Brno.
- ŠMURLO, Je. F. (1924): *Vvedeníje v ruskuju istoriju*. Praha.
- ŠMURLO, Je. F. (1926): *Rusko v Asii a v Evropě*. Praha.
- ŠMURLO, Je. F. (1928): *Kurie a pravoslavný východ v letech 1609–1654*. Praha.
- ŠUMAN, F. (2000): [s. t.] *Slovanský přehled* 86, 2000, č. 3, s. 383–389.
- ŠVANKMAJER, M. (1970): *Kateřina II. Lesk a bída impéria*. Praha.
- ŠVANKMAJER, M. (1993): *Paměti carevny Kateřiny II*. Praha.
- ŠVANKMAJER, M. (1999): *Petr I. Zrození impéria*. Praha.
- ŠVANKMAJER, M. (2001): *Kateřina II. Lesk a bída impéria*. Praha.
- ŠVANKMAJER, M., HERMAN, K., HOSTIČKA, V., ZÁSTĚROVÁ, B. (1967): *Dějiny Svazu sovětských socialistických republik. Přehled politického vývoje společnosti I. Dějiny Ruska*. Praha.
- ŠVANKMAJER, M., VEBER, V., SLÁDEK, Z., MOULIS, V. (1995): *Dějiny Ruska*. Praha.
- TECTANDER, G. (2014): *Dobrodružná cesta přes Rusko do Persie v letech 1602–1604*. Olomouc.
- TÉRA, M. (ed.) (2014): *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský. Červený Kostelec*.
- TJUTČEV, F. I. (2007): *Rossija i Zapad*. Moskva.
- VEBER, V. (ed.) (1996): *Ruské a sovětské dějiny v české poválečné historiografii*. Praha.
- VEBER, V. (2000): *Mikuláš II. a jeho svět*. Praha.
- VEBER, V. (2001): *Komunistický experiment v Rusku aneb malé dějiny SSSR*. Praha.
- VEBER, V. (2014): *Nikita na trůně. Chruščov v čele SSSR v letech 1953–1964*. Praha–Kroměříž.
- VEBER, V. (2016): *Rudý car. Stalin v čele Sovětského svazu v letech 1924–1953*. Praha.
- VLČEK, R. (2015a): *Historická rusistika na stránkách Slovanského přehledu: tradice a současnost*. *Slovanský přehled* 101, 2015, č. 3, s. 497–528.

VLČEK, R. (2015b), *Josef Macůrek*. Praha.

VLČKOVÁ KRYČEROVÁ, L. (2015): *Slovanský přehled 1998–2013. Bibliografický soupis.*

Slovanský přehled 101, č. 3, s. 673–801.

ZINOVJEV, G. Je. (1921): *Imperialismus a světové národní hospodářství*. Praha.

ZUBOV, A. (ed.) (2014–2015): *Dějiny Ruska 20. století*. Praha.

ŽÁK, L. (2002): *P. A. Florenskij – prorok a mučedník „nového myšlení“*. Teologický sborník. Ekumenický čtvrtletník pro teologii 8, č. 1, s. 28–40.

[статьи]

Об авторе

Radomír Vlček,

Institute of History Academy of Sciences of the Czech Republic,
Brno, the Czech Republic, vlcek@brno.avcr.cz